

identified by the author, lead to the conclusion that it is necessary to consider persons sentenced to imprisonment as a separate category of learners and to make corresponding legislative amendments.

Keywords: education of persons sentenced to imprisonment, a person sentenced to imprisonment, training, mentoring, correction, tools of correction, social adaptation, categories of learners.

УДК 159.957:343.8

А.Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАРАТЕЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ЕЕ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ

Анализируется психологическая сущность карательной составляющей уголовного наказания в контексте ее влияния на личностные предпосылки социально-правового поведения. Акцентируется внимание на механизме формирования образа наказания в психическом мире осужденного, который обладает эмоционально-мотивационным потенциалом и может нести не только устрашающее влияние, но и другие мотивационные проявления. Приводятся данные о субъективном значении наказания для осужденных, видах психологических защит, сопровождающих переживание наказания, соотношении опасения наказания и опасения совершить преступление, а также данные о влиянии на его опасение вида и размера наказания, применения институтов его смягчения и досрочного освобождения.

Ключевые слова: психология отбывания уголовного наказания, карательная составляющая уголовного наказания, субъективный образ отбытого наказания, устрашающее влияние наказания, переживание наказания, психология личности осужденного, эмоционально-мотивационный потенциал образа наказания, личностные предпосылки социально-правового поведения.

Применение наказания рассматривается в мировой истории существования государства как инструмент предупреждения правонарушений и понимается по сути как возмездное карательное воздействие государства на членов общества за их вредоносное поведение или неподчинение велениям власти. В теории уголовного права признается, что кара выступает неотъемлемым его свойством (и даже сущностью) наказания и заключается в лишении и ограничении определенных благ и прав. Как отмечал один из основателей российской школы уголовного права И.Я. Фойницкий, важнейшим свойством наказания является принуждение, которое должно быть «чувствительным» для достижения исправительно-предупредительной цели его применения с реализацией его карательно-устрашающего влияния [1, с. 68–69]. Н.С. Таганцев обращал внимание на то, что «лишение или ограничение благ и прав является страданием с точки зрения общих условий человеческой жизни, известной средней осязаемости страданий, безотносительно к тому, как смотрит на него и ощущает его наказываемый» [2, с. 117]. Современные представители науки уголовного права не отказываются от признания кары как свойства наказания. Так, белорусские ученые-правоведы, комментируя УК Республики Беларусь, используют понятие «возмездно-карательное воздействие наказания» [3, с. 111]. Вместе с тем при наличии карательной составляющей уголовное наказание не имеет своей целью осуществление кары [4, с. 293].

Признавая карательную составляющую уголовного наказания, необходимо отметить, что кара может рассматриваться в значении восстановления социальной справедливости как воздаяние преступнику, а также в значении частного предупредительного и исправительного воздействия на осужденных и общего предупредительного влияния на других членов общества в виде устрашения возможностью применения наказания за совершение преступлений. Карательная составляющая наказания объективно выражается в ограничениях прав и возложении дополнительных обязанностей (обременений) на осужденных с целью обеспечения контроля за их поведением, поддержания внутреннего порядка в исправительных учреждениях, осуществления воспитательной работы, исполнения принудительных мер безопасности и лечения. Часть этих обязанностей имеет положительное значение для здоровья, личностного развития и социальной адаптации осужденных после отбытия наказания (труд, обучение, посещение воспитатель-

ных мероприятий, прохождение лечения от алкоголизма и наркомании, соблюдение правил гигиены). Однако в связи с принудительным основанием их выполнения они оцениваются частью осужденных как карательные обременения.

Субъективно карательная составляющая наказания проявляется в отрицательных переживаниях осужденных – душевных страданиях. Существует мнение о том, что отрицательное переживание наказания должно способствовать формированию у осужденных опасения совершать новые преступления. Однако оно не согласуется с высокой долей рецидива преступлений. Необходимо отметить, что в психологии проблема влияния наказания на личностные предпосылки социально-правового поведения осужденных в прямой постановке не рассматривалась. Имеются отдельные исследования, посвященные психическим состояниям осужденных, переживаниям ими наказания и субъективной оценке его справедливости, восприятию его отдельных атрибутов, отношению осужденных к некоторым средствам исправления [5–7].

Для понимания сущности карательной составляющей наказания в контексте ее предупредительного влияния на осужденных обратимся к ее психологическому анализу. В нем основополагающим выступает положение о том, что прохождение преступником всех этапов уголовного процесса и отбывания наказания сопровождается переживаниями, которые проявляются в осмыслении произошедшего и происходящего, в относительно устойчивых эмоциональных состояниях и связанных с ними желаниях, в проявлениях психологических защит и психоадаптационных механизмов. В результате психического отражения присущих наказанию явлений и сопровождающих это отражение переживаний формируются образы этих явлений, обладающие определенным смысловым значением и эмоциональной модальностью. Их можно считать впечатлениями о пережитых событиях и условиях наказания, включая собственные действия с их результатами и последствиями. К отражаемым и переживаемым явлениям, присущим применению наказания, относятся события, связанные с расследованием и судебным рассмотрением уголовного дела, кульминацией которого явилось оглашение приговора; условия жизни при отбытии наказания; происходящие события, поступки и воздействия людей, затрагивающие личные интересы осужденного; собственные действия и их последствия; переживаемые эмоции и побуждения и другие явления. Образы этих явлений имеют эмоциональную окрашенность и могут обладать мотивационным потенциалом. Они могут проявляться, в частности, как психологические травмы (чувства потери, безысходности, униженности, несправедливости, социальной неполноценности и отчужденности), которые побуждают к разрядке или компенсации. Опираясь на общепсихологические положения о формировании и развитии психических свойств, можно утверждать, что присущие наказанию образы-впечатления ассимилируются в психическом мире личности осужденного, образуя интегративный образ пережитого наказания с эмоциональным впечатлением о нем. Этот образ включает ряд сторон: ценностно-смысловое значение наказания (что оно принесло для личных ценностей и в чем его причины и др.), перцептивные впечатления (следы образного восприятия условий и событий с их эмоциональной модальностью), эмоциональные впечатления (запомнившиеся эмоциональные состояния), запомнившиеся желания в связи с депривированными потребностями и др. Интегративный образ наказания с целостным впечатлением о нем представляет психическое свойство личности, обладающее эмоционально-мотивационным потенциалом, который актуализируется в конкретных ситуациях, в том числе при принятии решения о совершении преступления, вызывая соответствующее эмоциональное состояние и побуждение. Это может быть, например, страх повторно быть наказанным и мотивация воздержания от противоправных действий, либо обида и злоба за пережитую несправедливость и унижение с побуждением к вредоносной разрядке этих чувств, либо побуждение к самоутверждению путем совершения рискованных и вредоносных действий, либо стремление к восполнению упущенных благ и радостей жизни. Не исключается возможность актуализации двух абвивалентных чувств и мотивов. Необходимо учитывать, что содержание мотивации, возникающей в связи с актуализацией образа наказания, существенно зависит и от базовой мотивационной тенденции личности, которая может выражать склонность к избеганию опасности либо к борьбе с ней, предрасположенность к смирению с обидой либо к мести за нее.

На формирование интегративного образа наказания с его мотивационным потенциалом влияет доминирующее смысловое значение, которое придает осужденный наказанию. В проведенном нами исследовании выявлены значения, которые осужденные придают наказанию:

отрицательное переживание: «однообразие», «медленно текущее время», «плохое настроение», «невозможность что-то изменить», «тоска и опустошенность», «душевная боль» и т. п.;

несправедливость, унижение, принуждение, подчинение сотрудникам, проявляющим высокомерие и пренебрежение, негативные воздействия;

трудности и лишения, которые надо (или пришлось) пережить; испытание, которое надо достойно пройти;

борьба за свои интересы и отстаивание своего «Я»: за избежание неприятностей от сотрудников или от других осужденных; за их «обыгрывание», поддержание отношений с семьей, досрочное освобождение и т. п.;

жизненные потери, касающиеся различных личностных ценностей, бессмысленно прожитая часть жизни;

несправедливость правоохранительных органов при привлечении к ответственности или случайное стечение неблагоприятных обстоятельств – акцент на внешний причинный фактор;

ожидание освобождения (в смысле жизнь с мыслью об освобождении, терпение размеренного течения времени в этом ожидании);

результат неправильных собственных действий, ошибок, ненужных стремлений, за которые надо расплачиваться;

неприятное явление, которое, однако, могло бы быть гораздо хуже (ожидал более худшего варианта наказания) и поэтому можно считать, что повезло.

При выяснении наличия чего-либо положительного при отбывании наказания некоторые осужденные отмечали: радость встречи с близкими людьми; общение с интересными людьми; радости от небольших благ; успехи в отстаивании своих интересов, также осознание, что отбытие наказания – это школа жизни и личной закалки и др.

Таким образом, смысловое значение наказания у осужденных может быть различным, несмотря на общее негативное его содержание. Эмоциональная модальность образа наказания также негативна, но различается по степени своей выраженности от тяжелого отрицательного чувства до противоречивого, включающего не только негативные составляющие, но и позитивные.

При отбытии наказания у осужденных проявляется доминирующая ценностно-целевая установка, обуславливающая направленность их поведения и деятельности. Она может выражать различные стремления: заслужить смягчение наказания или досрочное освобождение; уклоняться от обременений и не утруждать себя; улучшить условия и минимизировать неприятности; отстаивать свои интересы и противостоять посягательствам на них. В силу этой установки происходит наполнение жизнедеятельности соответствующими поступками, видами занятости, социальными контактами, мыслями и решениями, которые влияют на образ наказания и, в конечном итоге, – на социально-правовую диспозицию личности.

Важнейшим условием предупредительного влияния наказания является не только его негативная ценностно-смысловая и эмоциональная значимость, обуславливающая боязнь и мотивацию избегания, но и устойчивое ожидание применения наказания при совершении преступления, которое можно рассматривать как предубеждение в неизбежности наказания за преступление. При высокой уверенности в этом опасение наказания трансформируется в опасение совершения преступления. При противоположном ожидании, выражающемся в уверенности, что можно избежать наказания, совершив преступление, опасение наказания не обуславливает опасение совершения преступления. Эта закономерность согласуется с теорией мотивации, систематизированной Х. Хекхаузенем [8, с. 222–303].

Проведенное нами исследование с использованием проективных приемов позволило установить, что законопослушные люди имеют предубеждение о высокой возможности получить наказание в случае совершения преступления, и это осознается ими как опасность совершения преступления. В отличие от них лица с криминальной предрасположенностью считают, что при «правильном» совершении преступления вполне можно избежать изобличения, и это соответствует их способностям. Хотя они и осознают возможность изобличения и наказания, но это осо-

знание уходит на второй план, а доминирует предвидение «удачного» совершения преступления. Причем такие предубеждения присущи неоднократно судимым лицам, что свидетельствует о том, что даже их собственный неудачный опыт не формирует доминирование ожидания наказания при совершении преступления. Такое явление связано с мотивацией самоутверждения (подтвердить свою криминальную состоятельность, выиграть у правоохранителей и т. п.) и с акцентированием их мышления на продумывании вариантов успешного совершения противоправных деяний. В результате такого акцента мышления и стремлений формируется надежда на криминальный успех.

Одним из вопросов в изучении предупредительного влияния наказания является обусловленность воздержания от совершения преступления строгостью наказания. Для ответа на него нами проведено исследование, в котором осужденным, многократно совершавшим кражи с квалификацией по ч. 2 ст. 205 УК (санкция имеет верхний предел наказания до четырех лет лишения свободы), предлагалось оценить степень опасности совершения этого преступления при различной строгости санкций за него. Исследование показало прямую зависимость неприемлемости совершения данного преступления от срока возможного наказания за него. Так, большинство респондентов однозначно отметили неприемлемость совершения преступления, если бы санкция предусматривала срок восемь и более лет лишения свободы. И это несмотря на то, что данные лица выражали предубеждение, что при «правильном» совершении преступления можно избежать изобличения. Такое явление можно объяснить смещением акцента внимания в оценке последствий на высокую строгость наказания, в результате чего субъективная опасность совершения преступления возрастает до его неприемлемости.

Говоря об актуализации опасения наказания при принятии решения о совершении преступления, необходимо отметить, что тревожное напряжение (чувство страха) может существенно снижаться, когда человек испытывает гнев или родственные ему эмоции, обуславливающие агрессивное побуждение. Однако, несмотря на состояние гнева, блокирующего опасение наказания, большинство лиц, совершивших насильственные деяния, принимали решение их совершить, только если не видели явных предпосылок вредоносного пресечения своих действий или изобличения. Вместе с тем встречаются случаи, когда лица в состоянии аффекта совершали криминальное насилие даже при явных предпосылках изобличения. Нетрезвое состояние преступника также обуславливает снижение опасения наказания или его полное блокирование.

Одним из явлений, присущих переживанию наказания и формированию его образа (обобщенного впечатления о нем), выступает психологическая защита, которая проявляется подсознательно и способствует снижению душевного страдания и субъективной значимости, связанных с наказанием потерь, а также поддержанию самоуважения. Такая защита может проявляться в различных вариантах: в самооправдании; приуменьшении вреда содеянного; придании наказанию значения распространенного явления, коснувшегося многих; обвинении в несправедливости органов правопорядка и/или потерпевших; приуменьшении отрицательного значения наказания и даже в видении в нем некоторого положительного значения (как школы жизни или испытания, которое надо пройти достойно); девальвации правоохраняемых социальных ценностей, в том числе трудового правопослушного образа жизни; придании отбытию наказания значения «мученичества» в связи с несправедливостью, что поддерживает самоуважение и подсознательно рассчитано на сочувствие и поддержку от родных; озлобленности, которая блокирует самообвинение и тревогу; безразличия к своему положению, которое снижает значимость неприятностей, связанных с наказанием. Наряду с указанными индивидуальными проявлениями психологических защит имеют место и социально-психологические явления в среде осужденных, выполняющие защитную функцию: бравада, язвительный юмор в отношении сотрудников, взаимная поддержка, возвышение и одобрение стойкости и оптимизма. Обобщая можно отметить, что проявления психологических защит снижают возможность самоосуждения и раскаяния, однако выявить, как влияют те или иные варианты защиты на опасение наказания, эмпирически пока не представилось возможным. Вместе с тем, учитывая прямое влияние модальности переживания наказания на содержание его образа, обладающего эмоционально-мотивационным потенциалом, есть основания полагать, что любое облегчение негативного переживания наказания снижает степень его опасения. Можно также полагать, что наиболее

благоприятными для формирования мотивации избегания наказания будут выступать такие переживания, как самоосуждение за совершение преступления (чувство вины, раскаяние), стыд перед близкими и знакомыми людьми, горечь потерь, что повлекло совершение преступления и применение за него наказания.

Психическое отражение осужденными наказания с формированием мотивообразующего впечатления о нем обусловлено видом и размером наказания, а также сравнением с наказанием других осужденных. Так, наказание более мягкое, чем лишение свободы, отсрочка его исполнения, а также лишение свободы на срок менее двух лет не вызывает у осужденных значимых отрицательных переживаний. Они даже могут проявлять самоутешение в связи с относительно коротким сроком наказания по сравнению с другими осужденными либо с назначением менее строгого наказания, чем предполагали. Однако после адаптации к отбыванию наказания у них возникают недовольства ограничениями, обременениями, материальными взысканиями, наличием контроля со стороны сотрудников органов внутренних дел.

Восприятие наказания и отношение к нему осужденных формируется в некоторых случаях в его соотнесении с теми выгодами, которые получены в результате совершения преступления. Иногда ради определенных выгод человек может умышленно совершить преступление, осознавая при этом неизбежность наказания. Это наблюдается, например, у некоторых лиц, совершающих кражи без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 205 УК), когда они не опасаются наказания в виде ареста до трех месяцев, а даже считают его выгодным для жизни в зимний период, в связи с отсутствием жилья и желанием трудиться. Некоторые лица, отбывающие исправительные работы, уклоняются от них, рассчитывая на осуждение с назначением наказания в виде ареста, что для них является более выгодным. Некоторым осужденным выгоднее и психологически легче отбывать лишение свободы в исправительной колонии, чем ограничение свободы в исправительном учреждении открытого типа, где требуется обеспечивать себя питанием и платить за коммунальное обеспечение, что для них нереально при низкооплачиваемой работе, взыскании алиментов и иных материальных удержаний, а также в связи с доступностью алкоголя при наличии зависимости от него.

На переживание наказания и его опасение своеобразно влияет повторность его отбывания. Лица, многократно судимые и утратившие социально полезные связи, более приспособлены к условиям содержания в местах лишения свободы, чем к условиям свободной жизни, и это существенно снижает у них опасение наказания. При многократном отбывании небольших по сроку наказаний у них формируется убеждение в их неизбежности в будущем и толерантное отношение к этому явлению. Однако большинство лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы, несмотря на адаптированность к условиям этого наказания, испытывают высокую степень опасения и нежелания повторно его получить, придавая ему значение краха в своей жизни.

На формирование обобщенного впечатления о наказании и его мотивационного потенциала своеобразно влияет применение к осужденным институтов замены наказания более мягким наказанием и условно-досрочного освобождения. Существует мнение, что их применение снижает устрашающее влияние наказания. Однако психологическое изучение этого вопроса позволяет сделать иные выводы. Так, если применение этих институтов основано на определенных оценочных критериях с объективной оценкой поведения и личности осужденных, то у значительной их части формируется стремление заслужить применение этих институтов, проявляя старание и личную ответственность, что одновременно актуализирует опасение допустить то, что лишает возможности получить смягчение наказания. Такая позиция осужденных будет внутренне фиксироваться и переноситься на поведение после отбытия наказания. Однако для такой целевой установки необходимо ожидание возможности личными стараниями заслужить применение указанных институтов. Если их применение будет основано на достаточно объективной оценке поведения, отношения к труду, участия в исправительном процессе, прохождения исправительных программ с выполнением комплекса заданий, а также на квалифицированной экспертной оценке личной готовности к правопослушному образу жизни, то это будет обеспечивать уверенность, что смягчение наказания зависит от самого осужденного, что приведет к стремлению его заслужить. При этом осужденный, проявляя старание в поведении и выполнении требуемой деятельности, будет опасаться допустить оплошность и лишит себя возмож-

ности смягчения наказания. Такое опасение в сочетании с установкой на соблюдение режимных требований и поддержание положительной репутации в глазах сотрудников будет формировать эмоционально-смысловое значение образа наказания – это жизнь в старании выполнять требования сотрудников и боязни допустить оплошность. Если подход к применению институтов смягчения наказания формальный, не требующий от осужденных приложения старания и усилий, не основанный на квалифицированной оценке личностной готовности к ведению правоопушного образа жизни, то это может снижать у осужденных опасение наказания. Если применение этих институтов минимальное в силу административного усмотрения, то у осужденных старание их заслужить не будет проявляться. Такая минимизация их применения приведет к настроенности на отбытие полного срока наказания и обусловит установку на пассивное существование с уклонением от полезной активности, от соблюдения обязанностей и запретов. Закрепление такой позиции снизит социальную адаптивность личности.

В связи с изложенным можно сделать следующие выводы:

применение уголовного наказания, обладающего карательным свойством, обуславливает формирование его образа, который имеет эмоционально-мотивационный потенциал, влияющий на детерминацию уголовно релевантного социального поведения индивида в будущем. Этот потенциал может выражать не только опасение наказания и мотивацию его избежания, но чувства униженности, социальной неполноценности, несправедливости лишений и потерь, что может порождать мотивацию компенсации этих чувств вредоносным способом;

эмоционально-мотивационный потенциал образа отбытого наказания обусловлен его субъективным значением для осужденных, которое может быть субъективно различным, выражающим видение в нем: страдания, несправедливости, борьбы за свои интересы, осваиваемого опыта, испытания, стремления к досрочному освобождению и другие варианты значения. Образ наказания с его эмоционально-мотивационным потенциалом формируется под влиянием психологических защит, способствующих смягчению негативных переживаний и поддержанию самоуважения. На этот образ влияет вид и размер наказания, прежний опыт его отбытия, соотношение с наказанием других лиц за аналогичные преступления, благоприятность условий жизни до осуждения, соотношение потерь и выгод в результате совершения преступления и наказания за него, организационные условия и критерии применения институтов смягчения наказания и досрочного освобождения;

предупредительная функция наказания, связанная с его карательным свойством, реализуется не только в результате формирования боязни наказания, но и предубеждения о высокой возможности его применения в случае совершения преступления, значительно превышающей возможность его избежания. Для субъективной опасности наказания имеет значение не только это предубеждение, но и его строгость, если она явно превышает социально общепринятый размер.

Список использованных источников

1. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1889. – 504 с.
2. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : в 2 т. / Н.С. Таганцев. – Тула : Автограф, 2001. – Т. 2. – 685 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчук. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
4. Шидловский, А.В. Цели уголовной ответственности и законодательное обеспечение их реализации / А.В. Шидловский // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики : сб. науч. тр. – Минск : БГУ, 2005. – С. 288–295.
5. Ушатиков, А.И. Пенитенциарная психология / А.И. Ушатиков, Б.Б. Казак. – Рязань : Акад. права и упр. Минюста России, 2003. – 758 с.
6. Пастушеня, А.Н. Исправительная психология : учеб. пособие. / А.Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 174 с.
7. Адыгезалов, А.Ф. Психологическая характеристика переживания лишения свободы и его влияние на изменение личностной структуры несовершеннолетнего осужденного / А.Ф. Адыгезалов // Психол. журн. – 2014. – № 1–2. – С. 48–52.
8. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб. : Питер ; М. : Смысл, 2003. – 860 с.

Дата поступления в редакцию: 23.10.20

A.N. Pastushenya, Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE PUNITIVE COMPONENT OF CRIMINAL PUNISHMENT AND ITS PREVENTIVE EFFECT ON CONVICTS

The psychological essence of the punitive component of criminal punishment is Analyzed in the context of its influence on the personal prerequisites of social and legal behavior. The author touches upon the mechanism of forming the image of punishment in the mental world of the convict, which has an emotional and motivational potential and can carry not only a frightening influence, but also other motivational manifestations. The article provides data on the subjective meaning of punishment for convicts, the types of psychological defenses that accompany the experience of punishment, the correlation between fear of punishment and fear of committing a crime, as well as data on the impact of the type and size of punishment on their fear, the use of institutions for its mitigation and early release.

Keywords: psychology of serving a criminal sentence, the penal component of criminal punishment, the subjective image of the sentence served, the intimidating influence of punishment, the experience of punishment, the psychology of the convict's personality, the emotional and motivational potential of the punishment, personal prerequisites for social and legal behavior.

УДК 159.99:371.4

В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Stukanov1972@gmail.com)

**БУЛЛИНГ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ,
НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ**

Осуществлен анализ внешнего буллинга сотрудников органов внутренних дел. Систематизированы формы проявления буллинга (вербальный, физический, психологический и виртуальный). Классифицирован кибербуллинг на основе эмпирического изучения.

Выделены условия и причины возникновения внешнего буллинга сотрудников ОВД; разработаны направления и психолого-педагогические задачи его профилактики.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, травля сотрудников, имидж милиции.

Буллинг как деструктивное социально-педагогическое явление в современном мире получил достаточно широкое распространение. В психологии, педагогике, медицине, юриспруденции активно изучается проблематика буллинга – физического и/или психологического насилия, травли одного человека другим. Сегодня достаточно глубоко изучены сущность, причины, способы профилактики буллинга в коллективе, в первую очередь в ученическом (Е.Н. Волкова [1, 2], О.Л. Глазман [3], И.С. Кон [4], Д.А. Кутузова [5], Д.А. Лейн [6], В.Р. Петросянц [7], А.А. Стрельбицкая [8] и др.). Проблема буллинга сотрудников органов правопорядка проработана недостаточно. Исследователи чаще всего обращаются к рассмотрению психолого-педагогических и управленческих аспектов травли сотрудников в служебных коллективах (И.Б. Ачитаева [9], А.М. Иванова и М.А. Кутырев [10], М.И. Марьин [11], В.М. Поздняков [12]). Вместе с тем в настоящее время буллинг сотрудников ОВД (полиции) все чаще проявляется в новых формах, в которых субъектом травли выступают не сослуживцы, а граждане, не имеющие отношения к службе в органах правопорядка и обычно лично с жертвой незнакомы. Разработка эффективных форм, методов и направлений противодействия буллингу сотрудников ОВД требует содержательного анализа явления и разработки комплекса психолого-педагогических задач по его профилактике.

Теоретический анализ и проведенное нами эмпирическое исследование позволяют выделить пять признаков буллинга: умышленность (преднамеренность) причинения вреда: осознание обидчиками ненормативности своего поведения (относительно нравственных и правовых норм); целенаправленность, понимание обидчиком последствий преднамеренной травли; систематичность (многократность) агрессивного преследования; длительность во времени.